

КАНАЛЫ СВЯЗИ И ИНФОРМАЦИИ В СОВЕТСКОМ АТОМНОМ ПРОЕКТЕ

Н. В. Мельникова

Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук

Поступила в редакцию 11 марта 2016 г.

Аннотация: в статье рассмотрены особенности функционирования каналов связи и передачи информации в советском атомном проекте.

Ключевые слова: атомный проект СССР, коммуникация, каналы связи.

Abstract: the article describes the features of communication's channels and information transfer in the Soviet atomic project.

Key words: sovietnuclear project, communication, link.

Известный парафраз из статьи В. И. Ленина [1, с. 383] «взять почту, телефон, телеграф» уже почти сто лет существует в советском/российском дискурсе. Сегодня эта крылатая фраза обрела шутливо-иронический подтекст в обозначении первых, непрременных шагов при решении какой-либо важной задачи. Смещение содержательного полюса этого выражения с серьезно-стратегического на иронический вполне объяснимо девальвацией советского прошлого в обществе российского настоящего. Однако сам факт долговечности этого оборота речи свидетельствует о его важности, значимости для советской истории средств связи и шире – коммуникации как процесса циркуляции информации.

Крайне важна была организация коммуникации для советского атомного проекта, который был информационно-центрированной системой, начиная от значения для его реализации поступающих из-за рубежа по каналам контрразведки специальных данных и до иерархизации атомного сообщества на основании полноты доступа к секретной информации [2]. Тщательно скрываемый циркулярами по сохранению государственной тайны проект все же не мог существовать вне коммуникаций (как внутренних, так и направленных вовне). Однако все каналы передачи информации – как на государственном, так и на частном уровне – подлежали контролю и различным ограничениям.

Традиционным каналом связи было почтовое сообщение. На начальных стадиях реализации атомного проекта некоторые письма шли обычной почтой. По мере развития проекта большинство официальной корреспонденции отправлялось дипломатической почтой, курьерскими доставками (фельдъегерской связью). Объемы пересылаемых секретных докумен-

тов были таковы, что курьеры могли часами ожидать в кабинете директора «атомного» завода, пока он ознакомится с ними. Некоторые документы согласно особой приписке уничтожались сразу же после прочтения: директор «сам вскрывал и читал документы. Затем прочитанное сворачивал, ставил в таком виде в пепельницу и поджигал» [3, с. 133].

Вместо конкретного адреса «атомного» предприятия использовался номер почтового ящика, на который отсылались корреспонденция. Подобные адреса-ящики присваивались не только градообразующему предприятию в целом, но и отдельным его структурным подразделениям. Например, на начало 1958 г. за плутониевым заводом, известным сегодня как «Маяк», было закреплено 14 адресов-ящиков [4, с. 92–93]. К моменту создания предприятий атомной промышленности это была распространенная практика для военно-промышленных предприятий. Известное в СССР выражение «работать в почтовом ящике» (или просто – в «ящике») означало труд на оборонном заводе или институте.

В личной почтовой и телеграфной переписке первоначально указывались близлежащие к месту строительства населенные пункты. Однако после 1948 г., чтобы исключить эту конкретную географическую «привязку», вводилось использование наименования ближайшего областного центра с определенным номером почтового отделения: для уральских городов это были Свердловск или Челябинск, для сибирских – Красноярск или Томск. Названия улиц и номера домов закрытых поселений соответствовали аналогичным улицам и домам областных центров. Например, работникам первого отечественного завода по производству обогащенного урана с 1949 г. в почтовом адресе следовало указывать не ближайший поселок Верх-Нейвинск как ранее, а 44-е почтовое отделение г. Свердловска. Родственникам и знакомым,

с которыми велась переписка, нужно было сообщить, что причиной смены адреса стало изменение места работы. Адрес квалифицировался как государственная тайна. Работник секретного предприятия давал подписку о неразглашении нового адреса, обстоятельство его смены и нес ответственность за его использование остальными членами семьи, проживающими на закрытом объекте [3, с. 60]. Этот же областной центр писался в графе «место рождения» в свидетельстве о рождении и в паспорте, его же должны были называть командировочные и отпускники в беседах с посторонними, когда речь заходила об их «географической дислокации».

Разница между реальным местоположением и тем, которое было указано в документах, приводила к различным сложностям. В то время как условный адрес должен был скрывать истинную локацию и быть одной из многочисленных завес атомного проекта, он вызывал ненужный интерес, дополнительные расспросы, грозя раскритикованием. Когда сотрудники КБ-11, взятые на работу из местных жителей, в личной переписке использовали адрес «Москва, Главпочтамт, п/я 49», это возбуждало у их родственников неподдельное любопытство, как «тетя уборщица из деревни Балыково попала в Москву» [5, с. 40]. Не могли внятно объяснить ситуацию с адресами и супруги-инженеры, работавшие на том же предприятии, когда оказались в командировке: отдел режима, не учитывая их семейное положение, проставил в их паспортах разные адреса, что зародило подозрение у работницы гостиницы [6, с. 9]. Непонятный адрес насторожил даже Министерство кинематографии, которое в 1948 г. потребовало сообщить название населенного пункта, куда систематически направлялись кинокартины. Не получив ответа, министр культуры И. Г. Большаков запретил поставлять кинофильмы «неизвестно куда», и население закрытого поселка осталось без этой популярной формы досуга. Только письмо директора секретного предприятия П. М. Зернова на имя Л. П. Берии с разъяснением необходимости вмешательства помогло решить эту щекотливую ситуацию [7, с. 232].

Оперативная связь в рамках проекта обеспечивалась посредством телефона. Телефонные сообщения между атомными предприятиями, учреждениями и «центром» (с Первым главным управлением, а затем с министерством) устанавливались по линии «ВЧ» (высокочастотная) [8, с. 439]. Зародившись как оперативная связь ОГПУ, с 1931 г. она обслуживала правительственные переговоры. В атомном проекте первый телефон кремлевской связи был установлен для И. В. Курчатова в 1944 г. [9, с. 169]. ВЧ-связь была автономна от связи общего пользования, находилась в ведении органа обеспечения государственной безопасности, отличалась лучшим качеством из-за использования более высокого линейного спектра

частот и сопровождалась организационными, оперативными, техническими мерами защиты переговоров [10]. Таким образом власть «делегировала» свой охраняемый информационный канал, маркируя тем самым важность «атомных» коммуникаций.

С 1948 г. в коммуникативном пространстве атомного проекта радиотелеграфная переписка несекретного содержания должна была передаваться только телеграммами серии «П» (по проводам), «исключив возможность прохождения их через промежуточные пункты по радио», а в пунктах, не имеющих телеграфной связи, – посредством письменной корреспонденции [11, с. 151–156]. Также запрещалось вести открытым текстом радиотелефонные переговоры по вопросам «специальных работ».

На местах создавались отделы спецсвязи, которые передавали и принимали закрытую информацию в виде криптограмм. Специалисты такого отдела имели право пройти к руководству предприятия в любое время, независимо от его занятости. Если сообщение приходило во время крупного совещания, директор прерывал разговор, чтобы ознакомиться с информацией [3, с. 130].

Не только чрезвычайная связь, но и обычная телефонная была очень востребована и распространена в атомном проекте. С одной стороны, телефон был функционально необходим как средство оперативных контактов в условиях создания принципиально нового производства. В этом отношении характерна история инженера М. П. Нерушина, руководителя одного из участков завода № 813, относящаяся к концу 1940-х гг. На участке произошла авария, на которую его руководитель (М. П. Нерушин) прибыл последним. Директор завода А. И. Чуринов встретил его упрямками и спросил: «Что, у тебя нет телефона?» – «Нет». На этом разговор закончился. Авария была ликвидирована, все разошлись. Однако, когда Нерушин поздно вечером вернулся домой, на письменном столе он обнаружил действующий телефон и записку работников цеха связи с извинениями за то, что вскрыли его комнату, чтобы выполнить указание директора и установить аппарат [12, с. 14]. С другой стороны, получение возможности прямых телефонных контактов с «вышними силами» атомного проекта было свидетельством особого доверия, вхождения во «внутренний круг». А. Д. Сахаров отмечал, что в первые годы работы в КБ-11, возвращаясь в секретный город, он каждый раз получал пропуск на специальном приемно-передающем пункте, являясь лично. Со временем он приобрел исключительное право сообщать о своих поездках по телефону. Но уже его сотрудники при поездках в Москву в отпуск или в командировку не имели такого права [13, с. 154].

Наличие домашнего телефона в СССР в то время (и позднее) было знаком некоего привилегированного положения, обладания дополнительным комфортом.

Этот комфорт власти старались создать для занятых в атомном проекте: первый же жилой дом, переданный Лаборатории № 2 в 1945 г., было приказано полностью телефонизировать [14, с. 300]; уже к 1949 г. был телефонизирован поселок при КБ-11 [15, с. 100], а количество домашних телефонов в Челябинске-65 в 8 раз превышало показатели областного центра [16, с. 405]. В 1960-е гг. жители закрытых городов получили возможность вести междугородние переговоры, тем самым расширяя границы изолированности.

Говоря о телефонизации закрытых атомных городов, не следует забывать и еще об одной очень важной ипостаси телефона. Прослушивание телефонных разговоров [17] было средством контроля жителей, так же как и перлюстрация личной корреспонденции, отслеживание тем и содержания неформального общения. Не удалось однозначно установить, прочитывались ли первым отделом (а затем и отделом КГБ) письма, которые получали резиденты закрытых городов. Из доступных архивных источников явно следует интерес к исходящей корреспонденции, входящая же, даже если она содержала «упаднические настроения» (т. е. критические высказывания), видимо, доходила до адресата без осязаемых последствий. Прослушивание телефонов, перлюстрация писем, сообщения информаторов КГБ позволяли власти определять степень лояльности участников атомного проекта, их настроения, интересы. Власть интересовала суждения людей о ней самой, о проводимых политических и хозяйственных мероприятиях, о жизни в СССР в сравнении с дореволюционным периодом и с другими странами (и особенно с США), а также о жизни и работе непосредственно в закрытом городе. Отдельной темой, которую отслеживали, была вера/неверие в официальную информацию, поставляемую газетами, радио и телевидением. С этой темой был неразрывно связан вопрос с так называемыми альтернативными источниками.

Несмотря на существовавшую в СССР радиоцензуру, «забывающую» иностранные станции с помощью мощных генераторов электронных шумов (называемых в народе «глушилками»), в закрытых атомных городах люди могли услышать передачи Би-Би-Си, «Голоса Америки», «Свободной Европы», китайское радиовещание [18–20]. А. Д. Сахаров вспоминал, что И. Е. Тамм во время их жизни на объекте (1950–1953 гг.) регулярно слушал Би-Би-Си на английском и русском языках («тогда это было довольно необычно», – замечает автор мемуаров) и рассказывал в столовой за завтраком коллегам новости, которые узнавал из передач иностранного радио [13, с. 180].

Доступных исследователям документальных свидетельств, были ли «глушилки» в закрытых городах, нет. Однако, если они и были, есть версия [21,

с. 109], что они не работали в том случае, когда приемники располагались неподалеку от моста, железной дороги или водоема (наличие последних было технологически необходимо для атомных производств). Возможно, поэтому жители секретных поселений, располагавшихся в разных районах страны, слушали «голоса» индивидуально и даже коллективно.

Когда тем или иным способом устанавливался факт какого-либо контакта с чем-нибудь зарубежным (будь то личная встреча (когда выезды за пределы города стали возможны), радиопередача, американские джинсы или жевательная резинка), местный отдел КГБ начинал проверку, чтобы доказать оправдательную версию («сбился с пути», простое любопытство) или обвинительную (сочувствующий капитализму, шпион). По результатам проверок принимались надлежащие меры. Шпионов, которых, действительно, иногда выявляли [22, с. 115], ждало длительное тюремное заключение или смертная казнь. Остальных провинившихся соответственно тяжести проступка могли выселить из города, понизить в должности (с отстранением от секретных работ), уволить с предприятия как «утратившего доверие» [23; 24]. Все это предварялось (а иногда и ограничивалось) «профилактическими беседами» с представителями органов государственной безопасности. После подобных бесед многие спешили подтвердить свою лояльность и писали благодарственные письма, адресованные сотрудникам госбезопасности: «Спасибо за помощь! Сердечное спасибо! Отныне я буду стоять на правильном пути и никуда не сверну с него больше» [25].

Было свое своеобразие и в отношении такого традиционного информационного канала, как пресса. Центральные советские газеты без ограничения были доступны жившим в закрытых городах рядовым участникам проекта. Что касается местной прессы, до рубежа 1980–1990-х гг. закрытым атомным городам запрещалось иметь общегородскую многотиражную газету. Она считалась потенциально опасным источником утечки информации (поскольку могла попасть за пределы секретной территории). Своя «форма печати» существовала для градообразующего предприятия и городских учреждений, имевших стенные газеты. Из них можно было узнать какие-то сведения о жизни трудового коллектива, его партийного актива, профсоюзов. Первый отдел следил, чтобы в стенгазетах не появлялись заметки, из которых можно было бы сделать выводы о производимой продукции или о численности работающих. Специфическая информация располагалась на стендах, озаглавленных призывом «Будь бдителен!». Они содержали сообщения о нарушениях режима секретности объекта и последовавших наказаниях, публикации материалов из общесоюзной печати или местной практики об активности иностранных разведок, о революционной

бдительности, высоком патриотизме и моральном облике советского человека. Такие «репортажи» позволяли манипулировать общественным сознанием, нагнетая обстановку шпиономании и формируя нужные властям трудовые мотивации. В отсутствие местных органов печати популярными становились местное радио и телевидение, не находившиеся под запретом. Организуемые первоначально энтузиастами-любителями, они переросли в полноценные городские телерадиостудии со штатными ведущими и журналистами.

Таким образом, отлаженная система связи и контролируемые каналы коммуникации позволили оперативно решать производственные и бытовые задачи атомного проекта СССР. Принятые меры не допускали полной изоляции и информационного вакуума для его участников, обеспечивая при этом необходимый режим секретности проекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин. – 5-е изд. – М., 1969. – Т. 34: Июль–октябрь 1917 г.
2. Мельникова Н. В. Формирование «атомной общности» в СССР : социальные активы, «фильтры» и контуры стратификации / Н. В. Мельникова // Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв. : материалы Первого Всероссийского научного семинара. – Екатеринбург, 2014. – С. 98–109.
3. Часовые порядки. Служба безопасности Уральского электрохимического комбината. Исторические очерки (1946–2006). – Новоуральск, 2006.
4. Кузнецов В. Н. История атомного проекта на Урале : очерки и статьи / В. Н. Кузнецов. – Екатеринбург, 2009.
5. Кочанков Л. А. Служба безопасности РФЯЦВНИИЭФ. История создания и развития / Л. А. Кончаков. – Саров, 2006.
6. Митюков А. В. Записки конструктора / А. В. Митюков. – Лесной, 2004.
7. Письмо. Зернов П. М., Разоренов Н. И. – Берия Л. П. Об обеспечении кинокартинами для демонстрации на объекте // История создания ядерного оружия в СССР в 1946–1953 годы (в документах) : в 7 т. Т. 2, кн. 2. – Саров, 2000.
8. Постановление Совета министров СССР № 1286-525сс «О плане развертывания работ КБ-11 при Лаборатории № 2 АН СССР» // Атомный проект СССР :

документы и материалы : в 3 т. / под общ. ред. Л. Д. Рябева. – Саров, 1999. – Т. II, кн. 1. – С. 434–456.

9. Записка В. А. Махнева Л. П. Берии об установке у И. В. Курчатова телефона кремлевской связи // Атомный проект СССР : документы и материалы : в 3 т. / под общ. ред. Л. Д. Рябева. – М., 2002. – Т. I, кн. 2.

10. История и современность Спецсвязи ФСО России // Федеральная служба охраны Российской Федерации. – Режим доступа: http://www.fso.gov.ru/struktura/pr2_1_2.html

11. Постановление СМ СССР № 3572-1432сс/оп «О дополнительных мерах по сохранению секретности сведений, относящихся к “специальным работам”» // Атомный проект СССР : документы и материалы : в 3 т. / под общ. ред. Л. Д. Рябева. – Саров, 2003. – Т. II, кн. 4. – С. 151–156.

12. Фонды музея Уральского электрохимического комбината. Нерушин М. П. Воспоминания о А. И. Чурине. Созидание (дела и люди). Сборник воспоминаний ветеранов УЭХК : в 2 ч. / сост. Т. Н. Постникова. – Свердловск-44, 1989. – Ч. 1.

13. Сахаров А. Д. Воспоминания : в 2 т. / А. Д. Сахаров ; ред.-сост.: Е. Холмогорова, Ю. Шиханович. – М., 1996. – Т. 1.

14. Из Постановления ГКО № 8581сс/ов «О строительстве специальной установки при Лаборатории № 2 Академии наук СССР» // Атомный проект СССР : документы и материалы : в 3 т. / под общ. ред. Л. Д. Рябева. – М., 2002. – Т. I, кн. 2. – С. 296–303.

15. Конец атомной монополии. Как это было... / авт. кол.: Е. А. Негин [и др.]. – Саров, 2006.

16. Новоселов В. Н. Тайны «сороковки» / В. Н. Новоселов, В. С. Толстикова. – Екатеринбург, 1995.

17. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). – Ф. 4458. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 97.

18. Объединенный государственный архив Челябинской области. – Ф. 2469. – Оп. 6. – Д. 1. – Л. 108.

19. ЦДООСО. – Ф. 4458. – Оп. 1. – Д. 23. – Л. 18.

20. ЦДООСО. – Ф. 5459. – Оп. 14. – Д. 18. – Л. 25.

21. Андреев Д. «Энциклопедия советской жизни» : продолжение / Д. Андреев // Родина. – 2014. – № 6. – С. 109–113.

22. Каплюков В. Команда «К» / В. Каплюков // Родина. – 2007. – № 12. – С. 114–117.

23. Группа фондов научно-технической документации комбината «Электрохимприбор». – Ф. 1. – Оп. 1-лд. – Д. 852 “в”. – Л. 391.

24. ЦДООСО. – Ф. 4458. – Оп. 1. – Д. 150. – Л. 116.

25. ЦДООСО. – Ф. 4458. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 70.

Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук

Мельникова Н. В., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории

E-mail: melnatvik@mail.ru

Тел.: 8-912-631-08-34

Institute of History and Archaeology of the Urals Branch of the Russian Academy of Sciences

Melnikova N. V., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the History Department

E-mail: melnatvik@mail.ru

Tel.: 8-912-631-08-34